

ББК 63.4+ 63.4 (5 Каз)

С 19

Выпущено по программе Министерства информации Республики Казахстан

Главный редактор *М. Жолдасбеков*

Редколлегия:

*К.А. Акишев (ответственный редактор),
В.В. Варфоломеев, В.Ф. Зайберт,
М.К. Хабдулина.*

С 19 **Коллектив авторов. Степная цивилизация Восточной Евразии. - Т. 1. Древние эпохи.**
Научное издание. Астана, 2003 - 264 с.
ISBN 9965-662-03-7

Сборник содержит статьи по различным аспектам первобытной археологии Восточной Евразии. В научный оборот вводятся новые материалы, в ряде статей предлагается культурно-историческая интерпретация обширного свода известных науке источников по эпохе бронзы и раннего железа. Сборник завершает историко-культурологическое исследование - комментарий позднезороастрийского сочинения Арта Вираз Намаг (АВН), содержание которого хранит уникальную информацию по истории религии, лингвистике, этнологии и археологии. Сборник предназначен для археологов, этнологов, преподавателей и студентов вузов. Сборник подготовлен к изданию в лаборатории археологических реконструкций Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева.

С 0503020905 04 - 2003
00(05) - 03

ББК 63.4+ 63.4 (5 Каз)

ISBN 9965-662-03-7

© Издательство «Күлтегін»
© Все авторы, 2003.

Варфоломеев В.В.

КЕНТ И ЕГО ОКРУГА

(некоторые итоги палеоэкономического и социокультурного анализа памятников восточной Сары-Арки)

На археологической карте Казахстана эпохи бронзы особое место занимает Кентский микрорайон, насыщенный памятниками различных эпох [Варфоломеев, 1999]. Кентский горнолесной массив находится в 220 км к ВЮВ от г. Караганды. Грядовые горы массива сложены пермскими и каменноугольными гранитами. Самая высокая вершина – гора Кент с абсолютной высотой 1469 м. Относительное превышение над окружающей степной равниной – 200-500 м. Главная река массива – Кызылкеныш, длиной около 25 км. Скорее это – крупный ручей, имеющий родниковое питание и не пересыхающий в пределах горной долины даже в очень засушливые годы. Воды реки пересыхают или уходят в песок речного ложа недалеко от места впадения ее в р. Талды. Долина р. Кызылкеныш – Кызылкентское ущелье с многочисленными логами и распадками. У входа в ущелье находится маленькое село Кент (ранее - Комсомол, еще раньше Енбек-Суйгуш). Склоны сопот Кентского массива имеют много родников, покрыты сосновыми и сосново-березовыми лесами с подлеском из шиповника, ивы, других кустарников. Лесная растительность сочетается с участками кустарниково-злаковых степей. В понижениях долины – поляны с луговыми травами [Караганда, 1986, с.297].

В 50-70-е годы в Кентских горах археологические памятники исследовали краевед Л.Ф. Семенов и А.Х. Маргулан [Маргулан, 1979, с.156-158]. С начала 80-х годов раскопки ведет экспедиция Карагандинского государственного университета. Наиболее многочисленны в Кызылкентском ущелье памятники периода валиковой керамики. На отрезке примерно в 10 км от с. Кент вверх по течению р. Кызылкеныш зафикси-

ровано 12 поселений и 10 могильников этого времени (рис.1).

Поселение Акимбек. Находится на правом берегу р. Кызылкеныш в 1,5 км вверх по течению от с.Кент. На эрозированной вследствие интенсивного выпаса скота площадке размером около 10 000 кв.м встречались кости животных, фрагменты андроновской и алексеевско-саргаринской керамики. В 1984-1986 гг. на памятнике было вскрыто 585 кв.м культурного слоя [Варфоломеев, Евдокимов, Усманова, 1988, с. 481]. Прослежено 4 культурно-хронологических горизонта: поздняя бронза, федоровский, алакульский и нижний с каменным инвентарем мезолит-неолитического облика.

Поселение Домалактас. Расположено на излучине правого берега р.Кызылкеныш, на площадке высотой около 2 м от уреза воды в реке, у родника. С севера поселение окружают гранитные скалы. На культурном слое лежат глыбы гранита весом до нескольких десятков тонн. Площадь поселения, определенная по подъемным сборам и шурфованиям, составляет около 7 тыс. кв. м. Раскопом площадью 220 кв.м был исследован котлован жилища прямоугольной формы размером 14,4 x 9,0 м глубиной 0,6 м от поверхности. В жилище были найдены костяные наконечники стрел, дисковидное каменное скребло, каменное ложило, керамическое пряслице. Находки сопровождались керамикой алексеевско-саргаринского типа [Евдокимов, 1985, с. 508].

Поселение Кент занимает излучину реки в 6 км от с. Кент. Площадь, занятая остатками построек на правом берегу – около 150 000 кв.м (рис. 2). Зафиксировано примерно 100 развалин каменных построек, округлых, овальных и восьмеркообразных западин. В восточной, возвышенной

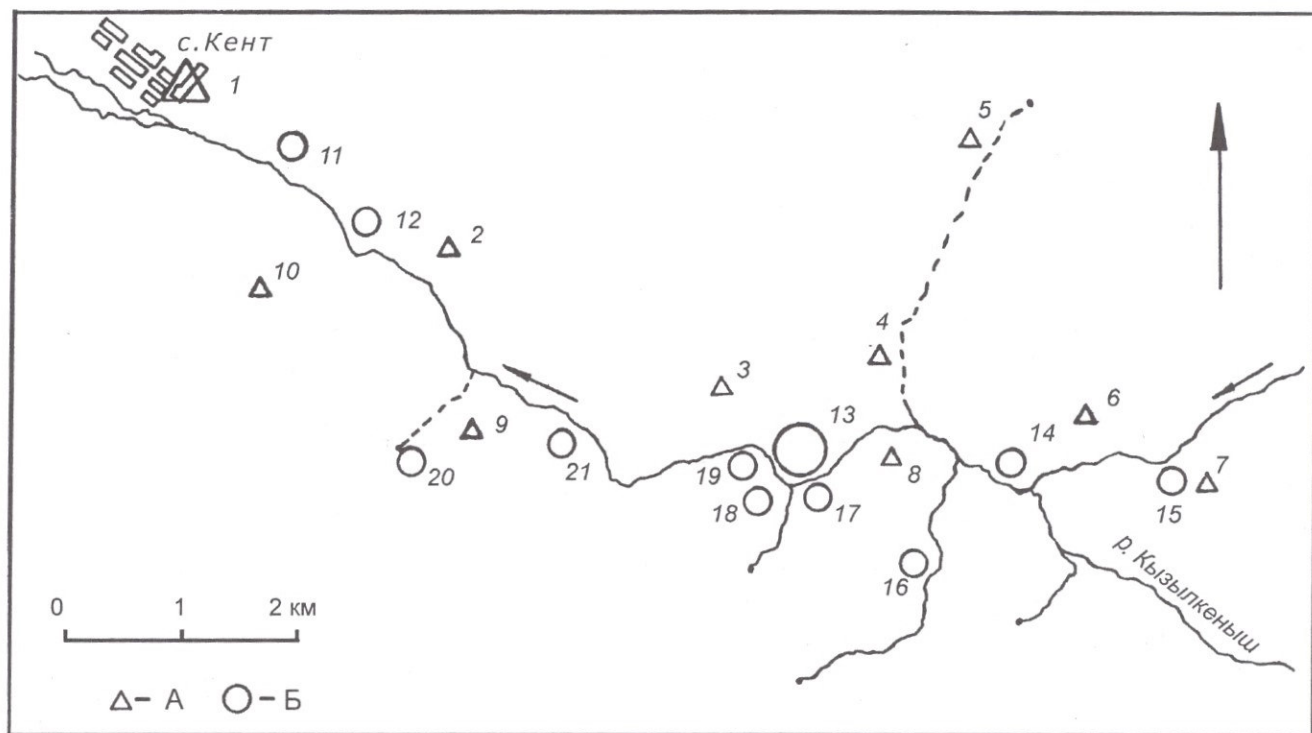

Рис.1 План памятников кентского этапа. А - могильники, Б - поселения.

1 - Енбек-Суйгуш, 2 - Кызылкент, 3 - Кент, 4 - Тасырбай, 5 - Кштан, 6 - Кызылтас I, 7 - Кызылтас, 8 - Дермен, 9 - Нарбас, 10 - Донгал, 11 - Акимбек, 12 - Домалактас, 13 - Кент, 14 - Кызылтас, 15 - Кызылтас I, 16 - Найза, 17 - Алат II, 18 - Алат I, 19 - Алат, 20 - Нарбас, 21 - Байшура.

части поселения отмечены три прямоугольной формы сооружения из гранитных плит и камней – так называемые “большие ограды”. Размеры этих построек 84 x 46 м, 58 x 40 м, 40 x 28 м. Раскопки Кента ведутся с 1985 г. Раскопанная площадь на 1990 г. – 2 632 кв.м. Исследованы остатки 8 жилищ и одна “большая ограда”. Культурный слой поселения насыщен остатками жизнедеятельности людей. Найдено более 100 изделий из бронзы: наконечники копья и стрел, ножи, кинжалы, пряжки, ювелирный молоток и чекан, долота, ременные кольца, циркуль, серпы, инструменты для резьбы по кости и рогу, шилья (рис.3; 4). Солиден ассортимент предметов из кости и рога: наконечники стрел, псаии, “коньки”, тупики, рукояти, пряслица, шпатели, гребень, иглы. Выделяются изделия, покрытые резным орнаментом – застежки, пуговицы, бляшки и предметы невыясненного назначения – “зеркала”, “жез-

лы” и др. (рис. 5). Каменные предметы относятся, в основном, к категории орудий труда: песты, молоты, наковальни, мотыга, терочные плиты, ладьевидные куранты, лоцила, дисковидные скребла. Часто встречаются каменные и керамические ядра яйцевидной формы, вероятно пращевые камни. Мощность культурного слоя на Кенте достигает 120 см. Это самое долговременное и большое из всех поселений Кызылкентской долины.

Поселение Кызылтас. Находится в 8 км от с. Кент вверх по течению р. Кызылкеныш на правом надпойменном берегу. На площадке памятника отмечены остатки 15 построек. Из них 4 впадины округлой формы, 1 – восьмеркообразная, 5 впадин с каменными облицовками и 5 прямоугольных конструкций из вертикально врытых плит. Поселение, судя по керамике из шурфа, имеет два культурных слоя – андроновский (федоровский?) и поздней бронзы.

Поселение Кызылтас I. Расположено на левом берегу безымянного правого притока р. Кызылкеныш в 9 км от с. Кент. На поселении имеются две жилищные западины округлой формы. В шурфе между западинами найдены кости животных и алексеевско-саргаринская керамика.

Поселение Алат II. Находится на левом берегу р. Кызылкеныш, напротив поселения Кент, на мысу, образованном р. Кызылкеныш и ручьем Алат. На площадке памятника отмечено 5 округлых впадин. При закладке шурфа была найдена валиковая керамика.

Поселение Алат I. Расположено на левом берегу р. Кызылкеныш, по другую сторону от ручья Алат. Здесь зафиксировано 8 жилищных западин овальной и округлой формы, две из них имеют каменную облицовку стен. В шурфе были найдены обломки трепала, кусочки медной руды и фрагменты алексеевско-саргаринской керамики.

Поселение Алат. Находится на левом берегу р. Кызылкеныш, на склонах сопки, над пойменной террасой и вытянуто вдоль изгиба реки и террасы у входа в ущелье Алат. Напротив – поселение Кент. На площадке памятника отмечено 20 жилищных западин овальной и круглой формы. В шурфе была найдена алексеевско-саргаринская керамика, а на поверхности шлаки.

Поселение Найза. Находится в 7,5 км к юго-востоку от безымянного ручья, впадающего слева в р. Кызылкеныш. На площадке между ручьем и склоном скалистой сопки отмечено 5 жилищных западин овальной формы. Керамика, найденная в шурфе имеет алексеевско-саргаринский облик.

Поселение Байшура. Обнаружено на левом берегу р. Кызылкеныш, примерно в 4 км вверх по течению от с. Кент. Памятник расположен по обеим сторонам ручья, вытекающего из-под скального обнажения. В южной группе жилищных западин имеется 6 сооружений, в северной – 2. Из шурфа получены фрагменты валиковой керамики и один фрагмент стенки сосуда, изготовленного на гончарном круге.

Поселение Нарбас. Находится в 3,5 км к ЮВ от с. Кент на правом берегу безымянного ручья – левого притока р. Кызылкеныш, примерно в 1,5

км от устья ручья. Зафиксировано 4 жилищных западины овальной формы. В шурфе найдены фрагменты посуды алексеевско-саргаринского типа.

Поселение Донгал. Расположено на левобережье р. Кызылкеныш, у входа в Кызылкентское ущелье. На площади в 500 кв. м отмечено 18 жилищных западин овальной формы, по периметру обложенных камнями и плитами. Раскопом площадью 925 кв. м исследованы остатки 4 жилищ [Евдокимов, 1985. с. 507, 508]. На основании анализа керамики этого поселения был выделен донгальский тип керамики, а само поселение стало эпонимным для заключительного этапа эпохи бронзы в Сары-Арке [Ломан, 1987, с. 115-129].

В отличие от многих других мест Кызылкентское ущелье сохранило и могильники, оставленные обитателями поселков. Могильники расположены на возвышениях у реки или других водных источников (рис. 1).

Могильник Енбек-Суйгуш. Находится у входа в ущелье на правом берегу р. Кызылкеныш и состоит из разновременных сооружений – оград периода развитой и поздней бронзы, курганов раннего железного века. В 50 – 70-е годы XX века на памятнике работали А.Х. Маргулан и Л.Ф. Семенов [Маргулан, 1979, с. 156-158]. В начале 80-х годов экспедицией КарГУ раскопаны 8 алакульских оград и 9 сооружений поздней бронзы. Точное количество погребальных объектов позднебронзовой эпохи на памятнике не определено, т.к. значительная часть площади могильника перекрыта современными постройками с. Кент.

Могильник Кызылкент. Расположен на вершине невысокого всхолмления в 200 м от правого берега р. Кызылкеныш, в 2,5 км к ЮВ от с. Кент, в 300 м южнее известного Кызылкентского дворца. В могильнике насчитывается 20 сооружений разной степени сохранности.

Могильник Кент. Находится на правобережье р. Кызылкеныш в 5 км к ЮВ от с. Кент, в 200 - 300 м от реки. Расположен на небольшом плато, среди сосен у подножия скал. При строительстве могил использовались площадки между скальными выходами, заполненные гранитной дресвой. Могильник состоит из 38 оград прямоугольной и округлой формы, стенки которых сло-

жены из гранитных плит. Внутри оград – каменные ящики.

Могильник Тасырбай. Находится в 6,5 км к ЮВ от с. Кент, на невысокой сопке, с востока ограниченной ручьем Кштан, с запада – листовым лесом, в 1,5 км к СВ от поселения Кент. В могильнике выделяется две группы сооружений – северная и южная, расположенные в 60 м друг от друга. В северной группе зафиксировано 16 сооружений, в южной – 64. Исследовано 13 объектов.

Могильник Кштан. Зафиксирован в верховье ручья Кштан, правого притока р. Кызылкеныш, на его правом берегу, примерно в 7 км к востоку от с. Кент. На площадке памятника отмечено 12 сооружений в виде прямоугольных оград из плашмя уложенных плит, обрамляющих каменные ящики. Раскопаны две ограды.

Могильник Кызылтас I. Находится на правом берегу правого безымянного притока р. Кызылкеныш в 7,5 км от с. Кент. Расположен в устье лощины, образованной двумя скальными гривами. Зафиксировано 10 сооружений в виде каменных оград с ящиками из плит.

Могильник Кызылтас находится на левом берегу безымянного правого притока р. Кызылкеныш, в 9 км к ЮВ от с. Кент. Могильник состоит из 17 оград прямоугольной формы, внутри которых – каменные ящики.

Могильник Дермен. Расположен на излучине левого берега р. Кызылкеныш, в 7 км к ЮВ от с. Кент. На ровных участках пролювия сохранилось 20 каменных оград. Раскопом площадью 160 кв.м охвачено 12 оград с каменными ящиками.

Могильник Нарбас находится на левобережье р. Кызылкеныш в 4 км к ЮВ от с. Кент. На памятнике отмечено 27 прямоугольных и две округлые ограды. Несколько каменных ящиков раскопаны А.Х.Маргуланом, но “памятники материальной культуры в них не найдены” [Маргулан, 1979, с. 156-159].

Могильник Донгал. Находится в 2 км от с. Кент, в 1 км к югу от левого берега р. Кызылкеныш. На памятнике имелось 28 погребальных сооружений, 24 из них – раскопаны.

Такова география памятников, оставшихся со времен поздней бронзы в Кызылкентской доли-

не. Основной категорией археологического материала, объединяющей все упомянутые выше поселения и могильники, является керамика. Она по морфологическим признакам и орнаментальному декору разделена на две разновеликие группы. Включенная в группу 1 посуда присутствует на всех раскопанных или шурфованных памятниках и принадлежит к тому типу, который в археологии бронзы степной Евразии называют валиковой керамикой (рис. 6). Первая группа керамической посуды включает в себя 3 подгруппы, соответствующие трем этапам развития культуры позднебронзовой эпохи [Варфоломеев, 1987]. Эта культура в археологической литературе имеет различные региональные названия – замараевская, алексеевско-саргаринская, бегазыдандыбаевская, трушниковского типа и др. Учитывая отсутствие принципиальных отличий между территориальными вариантами, целесообразно применять какое-то общее название для культуры валиковой керамики.

Далее в тексте эта культура называется дандыбай-саргаринской или дандыбаевской [Варфоломеев, 1991, с.17]. Условные границы этой культуры можно наметить по урало-тобольскому водоразделу – на западе; между таежной и лесостепной зонами Западной Сибири – на севере; по правобережью Иртыша в пределах степного Алтая и Восточного Казахстана – на востоке и по северному побережью Балхаша и в Бетпақдале – на юге.

Возвращаясь к керамике, отмечу, что ранневаликовая посуда, или подгруппа IB, в небольшом количестве известна в нижнем слое поселения Кент. Керамика подгруппы IB, или донгальский тип, составляет основу керамической коллекции поселения Донгал [Ломан, 1987] и найдена в поздних жилищах поселения Кент [Варфоломеев, 1987, с. 56-68]. Погребений с посудой подгруппы IB и IB в Кызылкентском ущелье не обнаружено. Но, учитывая известный консерватизм погребального обряда, его отставание от изменений в обыденной жизни, можно предполагать, что в традиционных оградах могут быть погребения донгальского этапа. Посуда подгруппы IA – собственно валиковая или саргаринско-алексеевская (рис. 6) – изготовлялась и

использовалась на среднем, кентском этапе дандыбай-саргаринской культуры Сарыарки, который предложено датировать XII - X вв. до н.э. [Варфоломеев, 1991, с.18]. Исключая поселение Донгал как наиболее позднее, можно констатировать синхронное (в археологическом смысле) существование в Кызылкентской долине 11 поселений и 10 могильников. В тех случаях, когда артефакты из могильников не известны, они синхронизированы по общим типам погребальных сооружений. Разумеется, такое сосредоточение памятников на очень небольшой и ограниченной территории (расстояние между крайними поселениями Акимбек и Кызылтас – 8 км по прямой линии) дает возможность реконструировать некоторые экономические и социальные аспекты жизни населения кентского микро-района на среднем этапе дандыбаевской культуры.

Самым долговременным и крупным населенным пунктом округа было поселение Кент, в культурном слое которого отложились артефакты всех трех этапов. Небольшой перерыв в жизни поселка был в период формирования делювиально-пролювиальных отложений в виде гранитной дресвы в конце кентского этапа. Но на донгалском этапе площадка поселения была вновь заселена, хотя и не полностью [Варфоломеев, 1987, с. 57]. Площадь культурных отложений, занятая постройками на кентском этапе – 150 000 кв.м. Это самое большое из известных сейчас в Казахстане поселений. Вполне вероятно, что одновременно с Кентом функционировали левобережные поселения Алат I, Алат II. Кент и эти три поселка разделяли только р. Кызылкеныш и неширокая пойма (рис.2). В таком случае все четыре поселения можно считать одним – Большой Кент. Его площадь по замерам между крайними объектами превышает 300 000 кв.м, а число построек – 130. Общее количество зафиксированных построек на поселениях в Кызылкентской долине – 167. Это количество должно быть фактически больше за счет нефиксируемых на поверхности построек Акимбека, Домалактаса и средней части Кента, перекрытой развалинами зимовки. Однако синхронное функционирование всех домостроений

маловероятно. Условно примем, что одновременно обитаемы были лишь 10 жилищ во всей долине. Каждый жилой дом населяла одна семья. Скорее всего, это были расширенные семьи, состоявшие из 12-14 человек. Это примерно соответствует традиционной семье у казахов Центрального Казахстана в XIX в. [Остафьев, 1895] и сибирских татар [Томилов, 1981, с. 36] и меньше, чем у киргизов [Абрамзон, 1974. с. 238-253]. Численность обитателей Кызылкентского ущелья составит, в таком случае, 1200 человек. Этому количеству населения должен соответствовать адекватный экономический потенциал.

Как и в предыдущую андроновскую эпоху, хозяйство дандыбаевцев имело комплексный скотоводческо-земледельческий характер. Земледельческие занятия были известны со времен их предков - андроновцев. Но все доказательства земледельческих занятий в степях Центрального Казахстана имеют косвенное значение: приуроченность поселений к пойме, находки бронзовых серпов-косарей, зернотерок с ладьевидными курантами, каменных пестов и мотыг. Последних, впрочем, не много, на Кенте найдена одна (!) каменная мотыга. Не исключено рыхление почвы деревянными кольями. Вполне допустимо знание и даже применение пахотных орудий с использованием тягловой силы животных. Такой способ обработки земли был хорошо известен дандыбаевцам в процессе длительных и устойчивых контактов с земледельческими культурами Средней Азии (см. ниже). Но население Кызылкентской долины не нуждалось в обширных пашнях и не расходовало много времени на полевые работы. Почти все потребности в пище удовлетворялись посредством высокоэффективного животноводства, в том числе и в результате обмена скотоводческой продукцией на земледельческую.

Население Кентских гор, как и их соплеменники по всей Сарыарке, разводило четыре вида домашних животных: крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, лошадь, собаку. Последний вид у степняков всегда использовался для охраны, пастбы стад и на охоте. Сама охота имела значение подсобного или развлекательного занятия, т.к. в общей массе костей на поселениях останки

дикой фауны малочисленны. Из последних на кентских поселениях присутствуют кости сайги, марала, кулана, кабана, волка, лося, корсака, архара, крупных птиц. Вопреки распространенному мнению [История Казахстана, 1993, с. 21; Кузембай-улы, Абил, 2000, с.19] в северных степях в эпоху бронзы достаточно малочисленным видом домашних животных был верблюд. А.Х. Маргулан сообщает о находках верблюда во втором и пятом мавзолеях могильника Бегазы [Маргулан, 1979, с. 259]. Находки костей бактрианов из поселений Алексеевское [Кривцова-Гракова, 1948, с. 2], Атасу I [Макарова, 1977, с.125] и Мыржик [Ахинжанов, Макарова, Нурумов, 1992, с.135] не имеют конкретной стратиграфической привязки и могут происходить из слоя развитой

бронзы. Ни в одном однослойном дандыбаевском поселении костей верблюда не найдено. Конечно, этот факт можно объяснять отсутствием традиции употребления верблюжатины в пищу или особым обращением с верблюжьими костями. Но, скорее всего, этот вид на поздней стадии эпохи бронзы был чрезвычайно редок и не играл заметной роли в хозяйстве дандыбайсаргаринских племен.

Из поселений Кент, Домалактас, Акимбек происходят репрезентативные серии остеологического материала, пригодные для определения видового состава стада и выводов о типе скотоводства (табл. 1). Следует, однако, иметь в виду, что находки из Акимбека стратиграфически не дифференцированы.

Таблица 1¹

Видовой состав костных остатков

Поселения	КРС	МРС	Лошадь	Всего
Кент	$\frac{3140}{34,4}$	$\frac{3527}{38,6}$	$\frac{2474}{27,1}$	$\frac{9141}{100}$
Домалактас	$\frac{393}{32,7}$	$\frac{641}{53,3}$	$\frac{169}{14,1}$	$\frac{1203}{100}$
Акимбек	$\frac{258}{39,3}$	$\frac{294}{44,8}$	$\frac{104}{15,9}$	$\frac{656}{100}$
Всего	$\frac{3791}{34,5}$	$\frac{4462}{40,5}$	$\frac{2747}{25}$	$\frac{11000}{100}$

Сравнение по видам животных показывает относительное преобладание мелкого рогатого скота на Кенте и Акимбеке и абсолютное на Домалактасе. В то же время корова и лошадь имели большое значение как более продуктивные виды. Сопоставление данных из трех кентских поселений с материалами северного ареала дандыбаевской (алексеевско-саргаринской) культуры (поселения степного и лесостепного Притоболья) показывает снижение численности крупного рогатого скота и увеличение поголовья лошади и овцы в центральноказахстанских памятниках [Потемкина, 1985, с. 308-313; Смирнов, 1975, с. 37-40]. Еще более разительно сравнение

с данными развитой бронзы. Заметное увеличение доли лошади и овцы в стаде у дандыбаевцев Кентского района свидетельствует о возрастании подвижности скотоводческого хозяйства. Это было уже не пастушеское скотоводство, как у андроновцев, тем более, что экосистема Кентских гор не вынесла бы длительной круглогодичной эксплуатации. Но жители Кента не перешли еще и к кочевой системе хозяйства.

Обобщая и несколько утрируя, можно выделить три главных признака номадизма северных степей: 1. абсолютное преобладание в стаде животных, приспособленных к длительным перекочевкам и тебеневке; 2. меридианальный,

¹ В числителе – количество костей, в знаменателе - %. Определения Т.Н. Нурумова (Кент) и Л.Л. Гайдученко (Кент, Домалактас, Акимбек).

в основном, способ кочевания с дислокацией летних пастбищ в степях Центрального и Северного Казахстана, а зимних – в полупустынной и пустынной зоне; 3. отсутствие постоянных жилищ на зимовках². Высокий процент поголовья крупного рогатого скота при дефиците “корабля пустыни” - верблюда и наличие долговременных стационарных построек на поселениях убеждают в правоте М.П. Грязнова и А.Х. Маргулана, которые писали об отгонном или яйлажном скотоводстве в эпоху поздней бронзы [Грязнов, 1957, с. 25-27; Маргулан, 1979, с. 261, 262]. По сути, это было полукочевое хозяйство периода накопления кочевого опыта.

Анализ материалов кентских памятников убеждает в правильности таких выводов. Зимники дандыбаевцев находились не на юге, в тугаях Сырдарьи, среди камышей Балхаша или барханов Кызылкумов, а в защищенных от бурянов межгорных долинах Кента и других низкогорных систем Сарыарки – Бугулы, Улытау, Бегазы, Каркаралы, Баян-Аул, Кызыл-Арай и др. Лощины и склоны сопок в Кенте были удобны для пастбы скота в зимний период и в XIX – XX вв., что подтверждают многочисленные развалины зимовок-кстау и информация старожилов с. Кент. Джайляу казахов, имевших зимовки вдоль р. Кызылкеныш, находились по берегам р. Талды и в окружающих степях. Точно также, более трех тысячелетий назад, дандыбайсаргаринские пастухи с семьями уходили на степные пастбища. На местах древних джайляу вдоль р. Талды часто встречается керамика позднебронзового времени – следы становищ. За вегетационный период зимние пастбища в долинах Кентских гор восстанавливались и осенью принимали стада, табуны и отары. Жилища в поселках дандыбаевцев были обитаемы также в зимнее время, о чем свидетельствуют очаги и кострища на полах землянок.

Разумное посезонное чередование пастбищ оберегало их от преждевременной деградации и позволило нескольким поколениям дандыбайсаргаринцев комфортно обитать в горно-лесном оазисе, используя степи в летнее время.

Центром сельской округи из небольших поселков было поселение Кент. Его центральное положение, размеры, количество жилищ и некоторые другие параметры позволяют видеть в нем не просто крупный населенный пункт, а зарождающийся город.

Городской статус древних поселений подразумевает целый ряд археологически фиксируемых признаков: 1 – площадь не менее 15 га; 2 – численность населения не менее 5 000 жителей; 3 – монументальная (храмовая) архитектура; 4 – сельскохозяйственная округа; 5 – ремесленное производство; 6 – торговля и обмен; 7 – социальная стратификация [Массон, 1976; Сайко, 1974; Аскар-ов, 1977; Заднепровский, 1974; Павленко, 1984].

Эта формула города не абсолютна, но вполне применима в археологических исследованиях. Площадь, занятая культурным слоем и остатками построек на правом берегу – 15 га, на левом – 2,2 га, по замерам между крайними объектами – 30 га. В Евразии известны и более крупные поселения в ранге протогорода, например, трипольские поселки – Доброводы (250 га), Тальянки (400 га), Майданецкое (300 га) с преимущественно земледельческой экономикой [Энеолит СССР, 1982, с.239-240]. Поселки скотоводов Сарыарки эпохи бронзы обычно невелики – от 0,1 га до 2 га. Появление очень крупных населенных пунктов свидетельствует об их особой роли.

На Кенте исследована так называемая “Большая ограда”, которую можно трактовать как объект общественного значения. Это почти прямоугольная ограда, ориентированная длинными сторонами по линии СЗ – ЮВ. Развалы каменных стен имеют ширину от 1 до 2,5 м. В западном углу имелось четыре отсека. В отсеке А размером 6 x 13-16 м находилось кольцо диаметром 1,25 м из 9 камней. Внутри кольца стоял столб. К северу от кольца над слоем золы на площади около 1 кв.м обнаружены обломки резных изделий из рога, глиняные бусины, бронзовые обоймы, бляшки, крючки (рис.4, 17-24). Неподалеку были найдены: нож, шило, наконечник стрелы, втульчатое тесло (рис.4, 3), два роговых псаляя, обломки курантов. Аналогичные кольца из 8 – 9 камней исследованы в различных районах

² Солидная сводка литературы о кочевниках приведена в статье А.Д. Таирова [1993].

Казахского мелкосопочника и резонно трактованы как жертвенные круги [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с.154-159]. Два подобных кольца расчищены на могильнике Донгал. Реконструируемая высота "большой ограды" около 1 м. Такая стена не могла быть преградой ни для одного вида домашних животных, а значит, сооружение не было загоном. Да и где было пасти скот в большом количестве, особенно зимой? Ведь зимняя пастьба требует рассредоточения скота. Скорее всего, "Большая ограда" предназначалась для проведения общественных церемоний, в том числе и обрядовых.

Данные о ремесленном производстве на Кенте своеобразны. На участке Алат с поверхности подняты шлаки, что должно свидетельствовать о существовании здесь литейных мастерских. А слои Кента поистине металлоносны. Здесь найдено более 100 целых бронзовых изделий. Встречаются вещи бракованные или не бывшие в употреблении. На Акимбеке и Домалактасе, как и на поселениях вне Кентского массива (Копа, Упаис, Каркаралинское I, II, Атасу I и др.), нет такого обилия металла. Это наблюдение справедливо и по отношению к такой категории инвентаря как резные изделия из кости и рога (рис. 5), судя по заготовкам и отходам, изготовлявшимся на Кенте. Весьма вероятно, что эти великолепные образцы прикладного искусства вырезали косторезы-профессионалы.

На Кенте обнаружены достаточно надежные доказательства взаимодействия дандыбаевского населения с очень отдаленными районами.

Это различные типы керамики II группы, известной в региональной терминологии как бегазинская посуда (рис.7). Из керамической коллекции Кента выделено 1683 сосуда кентского этапа. Из них – 1583 алексеевско-саргаринские (подгруппа I A), 99 отнесены ко второй группе. Сосуды второй группы составляют около 6% синхронного (?) комплекса керамики. Но подсчет сосудов подгруппы I A велся по шейкам с венчиками, а при выделении II группы учитывались венчики, шейки, стенки и днища, т.е. критерии отбора не в пользу I группы, и процент "бегазинской" керамики должен быть снижен как минимум на порядок. Среди керамики кентских поселений и могильников (табл. 2) имеется среднеазиатская станковая времени поздней Намазга VI (рис. 8), карасукская, еловская, тагискенская (рис.7). Аналоги такой керамики широко известны [Хлопин, 1983, с. 40, табл. IX, 14; Виноградова, Кузьмина, 1986, рис. 8, 2, 7, 9, 12; Зяблин, 1977, рис. 6, 7; Матющенко, 1974, рис. 65, 19; Толстов, 1962, рис. 38; Толстов, Жданко, Итина, 1963, рис. 64, 9; Итина, 1977, рис. 82]. Можно отметить, что в могильниках Актопрак и Мирзашоки на р.Нуре найдена чувская крашенная посуда [Ткачев, 1989, рис. 4, 18; Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, Табл. LIX, 5]. В могильнике Сангру I сосуд 4 из мавзолея 7 [Маргулан, 1979, рис. 98, 1] по форме, орнаменту и технике его нанесения близок посуде из сузгунских погребений на городище Потчеваш у г.Тобольска и керамике поселения Прорва в

Таблица 2

Соотношение двух групп керамики

	I группа		II группа		Всего	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%
п.Кент	1583	94,1	99	5,9	1682	100
п.Домалактас	116	98,3	2	1,7	118	100
п.Акимбек	74	100,0	-	-	74	100
м.Донгал	18	72,0	7	28,0	25	100
м.Дермен	8	100,0	-	-	8	100
м.Кштан	4	100,0	-	-	4	100
м.Енбек-Суйгуш	11	73,3	4	26,7	15	100
м.Тасырбай	7	70,0	3	30,0	10	100
м.Карагаш	9	81,8	2	18,2	11	100
Всего	1830	94,0	117	6,0	1947	100

Омской области [Федорова, 1974, табл. 2, 1, 2; Евдокимов, Стефанов, 1980, рис. 2, 5, 8].

Значительная часть II подгруппы не находит прямых аналогий в инокультурных комплексах, имеет синкретичные признаки и является результатом подражания импортным образцам. Такие реплики и составляют собственно бегазинскую посуду. Показательно, что на небольших поселениях Сарыарки керамика II группы почти не встречается, а концентрируется на самых крупных памятниках и в так называемых мавзолеях. Этот факт может быть объяснен на уровне социокультурной интерпретации, для чего необходимо привлечь материал погребений.

На 10 могильниках Кызылкентской долины зафиксировано 240 могильных сооружений (из могильника Енбек-Суйгуш, площадь которого застроена, учтено 9 раскопанных объектов). Всего раскопано 60 конструкций.

Ведущим типом построек являются подквадратные ограды из гранитных плит, уложенных плашмя в один (редко в несколько) слоев (I тип). Внутри ограды – прямоугольный или почти квадратный ящик из вертикально установленных плит. Усопших захоранивали на уровне материка, на поверхности или ниже материка на 5 – 10 см. Размеры таких оград варьируют от 1,2 x 1,4 м до 4,0 x 4,1 м, ящиков – от 0,6 x 0,8 м до 1,4 x 1,6 м. Ограды I типа составляют 73% от числа раскопанных и более 90% визуально фиксируемых объектов. Такие ограды хорошо представлены в могильниках Донгал и Дермен (рис.9). В погребениях могильника Дермен найдена керамика только I группы (рис.10).

Сооружения II типа отличаются большими размерами (ограды до 9,0 x 8,5 м, каменные ящики до 2,7 x 3,0 м); многослойной кладкой стен; неглубокими ямами для приготовления строительного раствора у стен гробниц; увеличением количества сосудов в погребальном инвентаре. Погребения совершались также на уровне материка, что является важным хронологическим признаком эпохи. На Енбек-Суйгуше известно три подобных сооружения, по одному на Донгале и Тасырбае. Постройки II типа в свое время получили название мавзолеев и хорошо известны по раскопкам некрополей Бегазы, Бугулы III, Сангру I, Айбас-Дарасы, Дандыбай и

др. [Маргулан, 1979, с. 69-153; Грязнов, 1952; Кызласов, Маргулан, 1950, с.125-136].

К малочисленным типам относятся углубленные погребения в прямоугольных ящиках с наклонными стенками (III тип) – 2 случая; в углубленных каменных ящиках подквадратной формы с вертикальной плиточной облицовкой стен (IV тип) – 5 случаев; грунтовые могилы (V тип) – 4 случая. Обычно подобные погребения не имеют оград. Следует отметить, что в отличие от андроновской погребальной практики, достаточно унифицированной в рамках культуры, дандыбаевский погребальный обряд поливариантен. Это показатель каких-то дезинтеграционных процессов в обществе, и, прежде всего, далеко зашедшей социальной дифференциации. Разницу в глубине могил следует увязывать с типом хозяйства. Отгонное скотоводство подразумевает деление пастбищ на летние и зимние. По моим наблюдениям, кладбища с погребениями на уровне материка концентрируются близ поселений-зимников. Вероятно, захоронения в них совершались преимущественно в зимний период на промерзшем грунте. Грунтовые могилы и заглубленные каменные ящики находились в могильниках у летних пастбищ. Это – летние погребения.

Принадлежность мавзолеев к категории погребений высокого социального ранга сомнений не вызывает. До недавнего времени погребения рядовых общинников были столь малочисленны, что это даже вызвало предложение поиска социально адекватных памятников в андроновской культуре [Кореняко, 1990, с. 38]. Возникновение такой ситуации объясняется направленностью научного поиска и общим уровнем методики исследований периода открытий бегазинских мавзолеев. Раскопанный М.П. Грязновым в 1933 г. на территории "Карлага" курган 11 могильника Дандыбай являлся мавзолеем. Работы Центрально-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Х. Маргулана с 1946 г. были сосредоточены, в основном, на внушительных мавзолеях. Из-за огромного количества материала публиковались только целые и наиболее аттрактивные сосуды. К примеру, в кургане-ограде Айбас-Дарасы найдено более 40 сосудов,

в иллюстрациях приведено только 19 [Маргулан, 1979, с.141-147, рис.107-112]. Т.е., опубликованные к концу 70-х годов XX века материалы были невольной подборкой субъективного свойства, отражавшей научный интерес, а не объективную реальность в виде артефактов различных категорий.

Исследования заурядных, явно и неоднократно ограбленных “рядовых” могил в Кентских горах и других местах, раскопки сплошными площадями позволили заполнить информационную лауну. Погребения I, III – V типов принадлежали основной массе рядовых и, возможно, маргинальных членов общества. По социальному статусу погребенных им соответствуют сооружения могильника Айдарлы. Выявление гораздо большего числа погребений рядовых обитателей является делом времени.

Во всех мавзолеях Сарыарки в том или ином количестве присутствуют обе группы керамики. Но только посуда валикового облика и некоторые типы металла объединяют мавзолеи, “рядовые” погребения и поселения в границах понятия “археологическая культура”. Вторая группа керамики имеет в Сарыарке суперстратное происхождение и появилась в результате активизации части дандыбаевского населения. Процессы экономического и социального развития дандыбаевского населения привели к формированию достаточно крупных социальных объединений. В условиях ксеротерма, хотя и ослабленного [Хабдулина, Зданович, 1984, с.152, 153] эти социумы концентрировались в благоприятных экологических нишах, какими до сих пор являются низкогорные массивы Сарыарки. Условия хозяйственного цикла полукочевого скотоводства и необходимость регулирования социальных и политических отношений выдвигали элиту с особыми функциями. Для погребений представителей такой элиты (вождей, старейшин, “бигмэнов” и т.п.) и сооружались известные мавзолеи. Местом дислокации “вождей” были густонаселенные поселки типа Кента зимой и степные становища летом. Они же формировали военные отряды и торговые караваны, что в те времена было почти одним и тем же, и совершали далекие экспедиции с использованием верховых

и вьючных лошадей. Среди приобретенных товаров или военной добычи могли быть и люди, а также емкости и походная утварь в виде посуды. Следы проникновения носителей валиковой керамики известны далеко на юге [Виноградова, Кузьмина, 1986]. Главной статьей экспорта дандыбаевского населения следует считать металл. Его производство и распределение контролировалось также элитой. Предметом обмена мог быть скот и животноводческая продукция. Ассортимент импорта гипотетичен и, возможно, включал зерно, ткани, предметы роскоши. Да и способы поступления керамики II группы могли быть различны.

В связи с проблемой “бегазинских” мавзолеев и “бегазинской” керамики нельзя обойти вниманием гипотезу, согласно которой некое кочевое объединение, происхождением связанное с карасукским миром, захватило алтайско-казахстанские степи и в течение двух-трех столетий эксплуатировало и грабило местное население. Археологическим отражением этой политической ситуации стали мавзолеи и “бегазинская” (карасукоидная) посуда. Насколько мне известно, впервые в развернутом виде эта гипотеза изложена Р.Б. Исмагиловым [Исмагил, 1998, с. 3-6]. К ней хронологически восходит и высказывание Е. Смагулова и Ю.В. Павленко [Смагулов, Павленко, 1988, с.147]. Понятно стремление авторов “историзировать” археологию, но для подобных выводов нужен более строгий археологический анализ и критика источников. Так называемая “бегазинская” керамика, как было сказано выше, многокомпонентна и не сводится только к карасукской. Исходя из логики упомянутых исследователей, на равных основаниях можно аргументировать тагискенскую или саппалитепинскую экспансию. Да и как могли “оккупанты” целых триста лет сохранять традицию изготовления глиняной посуды своих предков в условиях инокультурного окружения? Надо полагать, что у них были более престижные занятия, чем лепка горшков. Р.Б. Исмагил в своей аргументации опирается на скифо-сарматские источники. Странно, что исследователь не увидел в раннекочевнических материалах такую параллель как находки импортного происхож-

дения. В скифских и сарматских погребениях достаточно часто встречаются привозные греческие вещи и керамика [Степи европейской части..., 1989, с. 207, 208], но при этом не ставится вопрос о греческой верхушке народов, соорудивших скифские или сарматские курганы.

Керамика II группы отражает древние транскультурные связи и причастность к ним военной элиты. Социальная элитарность этой степной аристократии сочеталась с экономическим богатством, формировавшимся в процессе увеличения поголовья стад, возрастания масштабов металлургического производства, им подконтрольного, и поступления доходов от торгово-обменных операций. Вместе с входившими в сферу их влияния общинниками они составляли потестарное объединение на стадии зарождения элементов политической организации. Численность такого объединения могла составлять несколько тысяч человек. К сожалению, изучение внутренней структуры кентского объединения затруднено. Почти нет материалов по половозрастному составу, погребальный инвентарь обычно перетолжен и фрагментарен, многие сооружения

разобраны и деформированы. Но вряд ли подлежит сомнению вывод о далеко зашедших процессах социально-экономического расслоения.

На территории Восточной Сарыарки можно предполагать несколько объединений, подобных кентскому. Некоторые из них можно локализовать вокруг поселений Мыржик, Шортанды-Булак, Бугулы II, Бегазы I. Эти памятники синхронны Кенту и близки к нему по размерам, находкам резной кости, обилию металла. Вокруг них наблюдается концентрация поселений и могильников, имеются постройки II типа – мавзолеи.

Выводы, изложенные в статье, вряд ли следует экстраполировать на весь ареал дандыбай-саргаринской культуры. Так, в лесостепной зоне дольше могли сохраняться традиции придомного скотоводства и земледелия. Напротив, в экстрааридной зоне дискретные группы населения могли переходить к кочеванию. Неравномерно развивались процессы социальной дифференциации. Но одним из стабильно развивавшихся регионов был Кент с ближней и дальней периферией

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон С.М., 1974. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.
- Аскарлов А.А., 1977. Типы оседлых поселений бронзового века и истоки урбанизации на юге Узбекистана // Древние города. Л.
- Ахинжанов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н., 1992. К истории скотоводства и охоты в Казахстане. Алма-Ата.
- Варфоломеев В.В., 1987. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Варфоломеев В.В., 1991. Сарыарка в конце бронзовой эпохи. Автореф. дисс... канд.ист.наук. Алма-Ата.
- Варфоломеев В.В., 1999. Архаика Кентских гор // Археологическое наследие Урало-Казахстанских степей. Лисаковск.
- Варфоломеев В.В., Евдокимов В.В., Усманова Э.Р., 1988. Экспедиция Карагандинского государственного университета // Археологические открытия 1986 г. М.
- Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е., 1986. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху поздней бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.
- Грязнов М.П., 1952. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. Т. XVI.
- Грязнов М.П., 1957. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИЭ. Вып. 26.
- Евдокимов В.В., 1985. Исследования в Карагандинской области // Археологические открытия 1983 года. М.
- Евдокимов В.В., Стефанов В.И., 1980. Поселение Прорва // Археология Прииртышья. Томск.
- Заднепровский Ю.А., 1974. Типология и динамика развития городских поселений древней Ферганы // Древний город Средней Азии. М.-Л.
- Зяблин Л.П., 1977. Карасукский могильник Малые Копены 3. М.
- Исмагил Р., 1998. Бегазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели // Уфимский археологический вестник. Вып.1. Уфа.
- История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Очерк, 1993. Алматы.

- Итина М.А.*, 1977. **История степных племен Южного Приаралья**. М.
- Караганда. Карагандинская область. Энциклопедия, 1986. Алма-Ата.
- Кореняко В.А.*, 1990. **О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбай-бегазинского типа)** // СА. № 2
- Кривцова-Гракова О.А.*, 1948. **Алексеевское поселение и могильник** // ТрГИМ. XVII.
- Кузембайулы А., Абил Е.*, 2000. **История Республики Казахстан**. Астана.
- Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х.*, 1950. **Плиточные ограды могильника Бегазы** // КСИИМК. Вып. XXXII.
- Ломан В.Г.*, 1987. **Донгальский тип керамики** // Вопросы периодизации памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Макарова Л.А.*, 1977. **Животные Атасу и других поселений Центрального Казахстана** // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата.
- Маргулан А.Х.*, 1979. **Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана**. Алма-Ата.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.*, 1966. **Древняя культура Центрального Казахстана**. Алма-Ата.
- Массон В.М.*, 1976. **Экономика и социальный строй древних обществ**. Л.
- Матющенко В.И.*, 1974. **Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век)**. Ч. 4. Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Вып. 12. Томск.
- Остафьев В.В.*, 1895. **Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве** // Записки ЗСО РГО. Кн. 18. Вып. 2.
- Павленко Ю.В.*, 1984. **Основные закономерности и пути формирования раннеклассовых городов-государств** // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев.
- Потемкина Т.М.* 1985. **Бронзовый век лесостепного Приобья**. М.
- Сайко Э.В.*, 1974. **Экономические основы формирования города по археологическим данным** // Древний город Средней Азии. М.-Л.
- Смагулов Е., Павленко Ю.В.*, 1998. **Гунны на пути в Европу** // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы-Москва.
- Смирнов Н.Г.*, 1975. **Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне андроновских памятников Зауралья** // ВАУ. Вып. 13. Свердловск.
- Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время**. Археология СССР. 1989. М.
- Таиров А.Д.*, 1993. **Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников Урало-Казахстанских степей в I тысячелетии до новой эры** // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург.
- Ткачев А.А.*, 1989. **Новые погребальные памятники поздней бронзы и средневековья Сары-Арки** // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Толстов С.П.*, 1962. **По древним дельтам Окса и Яксарта**. М.
- Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А.*, 1963. **Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958-1961 гг.** // МХЭ. Вып. 6. М.
- Томилов Н.А.*, 1981. **Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI-первой четверти XIX века**. Томск.
- Федорова Н.В.*, 1974. **Исследования на городище Потчеваш у г.Тобольска** // Из истории Сибири. Вып. 15. Томск.
- Хабдулина М.К., Зданович Г.Б.*, 1984. **Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане** // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Хлопин И.Н.*, 1983. **Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы**. Л.
- Энеолит СССР**. Археология СССР. 1982. М.